Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 16—23. ISSN 2618-8236 (print).
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2022;7(2):16-23. ISSN 2618-8236 (print).

Научная статья

УДК 347.2 doi: 10.47475/2618-8236-2022-17203

О несовершенстве понятийного аппарата платформенного законодательства

Гафур Закирович Мансуров

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
Mansuroff@yandex.ru

Аннотация. В работе содержится сравнительный анализ соотношения технологического, экономического и юридического понимания цифровой платформы и сравнительный анализ содержания понятий, обозначаемых терминами «цифровая платформа», «распределенный реестр», «блокчейн», «агрегатор», «финансовая платформа» и «инвестиционная платформа». Обращается внимание на объективный характер эволюции предмета гражданского права и необходимость адаптации классических правовых инструментов к общественным отношениям в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: платформенные термины и понятия, цифровая платформа, блокчейн, распределенный реестр

Для цитирования: Мансуров Г. З. О несовершенстве понятийного аппарата платформенного законодательства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 16—23. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17203.

Original article

On the imperfection of the conceptual apparatus of platform legislation

Gafur Z. Mansurov
Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
Mansuroff@yandex.ru

Abstract. The paper contains a comparative analysis of the ratio of technological, economic and legal understanding of the digital platform and a comparative analysis of the content of the concepts denoted by the terms “digital platform”, “distributed ledger”, “blockchain”, “aggregator”, “financial platform” and “investment platform”. Attention is drawn to the objective nature of the evolution of the subject of civil law and the need to adapt classical legal instruments to social relations in the context of digital transformation.

Keywords: platform terms and concepts, digital platform, blockchain, distributed ledger

For citation: Mansurov GZ. On the imperfection of the conceptual apparatus of platform legislation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2022;7(2):16-23. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17203.

Как известно, одним из важнейших результатов четвертой технологической революции является внедрение в экономический оборот цифровой платформы (блокчейна). По мнению специалистов, блокчейн-технология может рассматриваться как пятая парадигма вычислений после универсальной электронно-вычислительной машины, персонального компьютера, Интернета, мобильной революции и революции социальных сетей [3. С. 18]. Сейчас она проникает практически во все сферы общественных отношений. Как указал в связи с этим президент РФ В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года, нам надо формировать собственные цифровые платформы, естественно, совместимые с глобальным информационным про-

© Мансуров Г. З., 2022

странством. Это позволит по-новому организовать производственные процессы, финансовые услуги и логистику, в том числе с использованием технологии распределенного реестра.

Целями работы являются сравнительный анализ соотношения технологического, экономического и юридического понимания цифровой платформы и сравнительный анализ содержания понятий, обозначаемых терминами «цифровая платформа», «распределенный реестр», «блокчейн», «агрегатор», «финансовая платформа» и «инвестиционная платформа».

Юридическое определение цифровой платформы является частным случаем более общей проблемы определения места в системе российского права реципированных в процессе цифровой трансформации иностранных правовых норм. Соответственно, необходим предварительный анализ существующих точек зрения по данной проблеме.

Очевидно, что трудности правового регулирования отношений по использованию технологии блокчейна — это не первая и не последняя проблема, являющаяся триггером периодически возникающих дискуссий по фундаментальным проблемам доктрины гражданского права, связанных, как правило, с очередным этапом развития научно-технического прогресса. А так как в подобных случаях практически никогда не достигается взаимопонимания, то фактически они являются не дискуссиями, а полемикой.

С обвинениями в архаизме гражданскому праву приходилось периодически сталкиваться еще в период существования Древнего Рима [12. С. 6]. Как известно, гражданское право не имеет собственной науки. Основой современной цивилистики является римское право. Поэтому, «изучая его [римское право], мы изучаем в значительной степени саму *теорию* гражданско-правовых институтов» [Там же].

Отвечая нуждам времени, *римское право постоянно эволюционировало,* пройдя соответственно три этапа в своем развитии: квиритское право, преторское право и постклассическое право. Затем, уже после исчезновения Древнего Рима, совершенствованием цивилистики занимались глоссаторы и пришедшие им на смену постглоссаторы. Свой законченный вид римское право приобрело в статусе пандектного права. Однако перманентный характер инноваций заставляет цивилистов постоянно развивать доктрину гражданского права, но *на основе достижений древнеримских цивилистов*. Актуальность права давно исчезнувшего государства — Древнего Рима обусловлена наличием у него «*методов приспособления права к нуждам быстро текущей деловой жизни*»[1] [16. С. 5] и «…его творческий дух вообще» [Там же].

История гражданского права знает очень много примеров, подтверждающих данный факт (например, правовая природа электричества, интеллектуальных прав, бездокументарных ценных бумаг и т. д.). *Практическая потребность вынуждает цивилистов постоянно приспосабливать содержание действующих нормативных актов к результатам научно-технической революции*. Так, например, в XIX веке предметом дискуссий была правовая природа «электрических отношений». По мнению ряда специалистов, «электрическая энергия, не являясь материальной субстанцией (физическим телом), не соответствует ни одному из признаков объекта прав и не может быть предметом каких-либо обязательств» [4. С. 17]. Много позже, на одном из заседаний Совета при президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, Е. А. Суханов заявил: «Вот сейчас введут цифровые права, а потом их станут защищать методами из римского права. Не рассчитано гражданское право на такие вещи» [13].

Однако и в первом, и во втором случае «нужды быстро текущей деловой жизни» заставили цивилистов принять во внимание новые реалии. И поэтому, в частности, «Теория гражданского права должна видоизменяться, чтобы, например, отразить особенности перехода части договорной практики в киберпространство» [15. С. 173].

При анализе *правовой природы цифровых платформ* следует учитывать, что с юридической точки зрения общественные отношения классифицируются на самостоятельные и несамостоятельные. Первые возникают до выражения воли законодателя, а иногда даже и вопреки ей, вторые — только после принятия соответствующего нормативного акта. Соответственно, как указывает Л. С. Явич, существуют два вида общественных отношений — фактически существующие (например, имущественные) и те, которые существуют постольку, поскольку они установлены каким-либо нормативным актом (например, процессуальные правоотношения) [18. С. 224].

Цифровые платформы относятся к первому виду. Это означает, что самому законодателю не нужно

[1] Курсив наш. — Г. М.

определять признаки и функциональное назначение цифровых платформ. Он должен лишь выявить и закрепить в нормативных актах стихийно сложившиеся правила, регулирующие отношения по использованию данной разновидности информационной системы.

В экономической литературе необходимость и, соответственно, функциональное назначение цифровых платформ объясняют очень абстрактно: *главная задача платформы* — создать связи между пользователями и содействовать обмену товарами или социальной валютой, тем самым способствуя созданию ценности всеми участниками [11. С. 19].

Платформенная система создания и передачи ценностей является антиподом *конвейерной системы*. Первую именуют революционной, так как какая-либо ценность вместо того, чтобы двигаться по прямой от производителей к потребителям (как в конвейерной системе), может создаваться, переходить из рук в руки и употребляться самыми разными способами и в разных местах. И все это становится возможным благодаря связям, формирование которых обеспечивает платформа [Там же. С. 21].

Платформа, с точки зрения специалистов по информационным технологиям, представляет собой одноранговую, децентрализованную (пиринговую) сеть. Она функционирует на основе равенства участников. И, самое важное, программный код исключает возможность нарушения сторонами принятых на себя обязательств, что в ряде случаев делает *излишним контроль государства и помощь посредников*. Например, P2P-кредитование — это прямая выдача займов от вкладчика заемщику без участия традиционных институтов, то есть банков [10. С. 6]. Так, по мнению А. Дюфло, «блокчейн-технологии были разработаны в русле анархо-либертианских идей, направленных на то, чтобы выйти за пределы государственного регулирования» [6. С. 224].

В литературе не утихают споры об *отраслевой принадлежности норм, регулирующих цифровые отношения*. Дело в том, что цифровые платформы в настоящее время находят широкое применение практически во всех сферах общественных отношений. Поэтому *правоотношения, возникающие по поводу применения цифровых платформ, могут быть как публично-правовыми, так и частноправовыми*. По этой причине вызывают удивление встречающиеся иногда в литературе высказывания о якобы узурпации термина «цифровые права» цивилистами.

Сфера применения цифровых платформ постоянно расширяется. Цифровая платформа и, соответственно, генерируемые в ней цифровые права (токены), могут быть использованы не только для совершения гражданско-правовых сделок, но и для реализации прав, закрепленных нормами публично-правовых отраслей, например, для реализации активного избирательного права.

Поэтому с высокой долей вероятности можно предположить, что с цифровыми правами случится такая же эволюция, как и с пеней, зачетом, долговым обязательством и иными категориями гражданского права. Дело в том, что нормы о них были включены в Налоговый кодекс РФ и, соответственно, стали использоваться в ином значении, чем в Гражданском кодексе РФ, так как законодатель «деформировал их первоначальное, гражданско-правовое содержание, чтобы приспособить к существу налоговых правоотношений» [7. С. 25].

Одним из значимых последствий цифровой трансформации является необходимость включения в нормативные акты огромного количества технических терминов, самыми популярными из которых являются «блокчейн», «цифровая платформа» и «распределенный реестр». Иногда их применяют вместе — «цифровая платформа на базе технологии распределенного реестра (блокчейн)» (см., напр., письма ФНС России от 11.03.2022 № АБ-3-19/2191 и от 20.11.2020 № АБ-4-19/19051).

Любопытно, что термины «блокчейн» и «цифровая платформа» содержатся в текстах нормативных актов в разных пропорциях в зависимости от юридической силы этих документов: *чем ниже по юридической силе уровень нормативного акта, тем чаще используется термин «блокчейн» и другие англицизмы, и наоборот*: федеральные законы (цифровая платформа — 2, блокчейн — 0), акты президента РФ (цифровая платформа — 3, блокчейн — 0), Центральный Банк РФ (цифровая платформа — 5, блокчейн — 2), акты федерального правительства (цифровая платформа — 165, блокчейн — 11)[1].

Действующим законодательством запрещено использование иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке (п. 6

[1] Здесь и далее указывается количество документов без учета нормативных актов о внесении изменений в действующие акты и нормативных актов о бюджетном финансировании.

ст. 1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»). У слова «блокчейн» имеется подобный аналог — «цифровая платформа». Поэтому термин «блокчейн» не следует включать в тексты нормативных актов.

Иногда в нормативных актах *на цифровую платформу взваливают и совершенно несвойственные ей функции*. Так, например, одним из правительственных актов предусматривается «стимулирование занятий граждан физической культурой и спортом путем создания цифровых платформ и приложений, стимулирующих заниматься физической культурой и спортом» (государственная программа РФ «Информационное общество»).

В некоторых нормативных актах *признаками цифровых платформ наделяются понятия, обозначаемые другими терминами: агрегатор, финансовая платформа, инвестиционная платформа и т.* д. А в литературе можно даже встретить утверждение, что цифровыми платформами являются, например, мессенджеры, поисковые системы, интернет-сервисы «Мой Арбитр» и ГАС «Правосудие» и т. д. [2. С. 22].

Один из самых распространенных синонимов цифровой платформы — *распределенный реестр* — содержится в единственном федеральном законе («О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), в 11 актах ЦБ РФ и 30 актах Правительства РФ.

Часто в нормативных актах используется термин *финансовая платформа* (14 федеральных законов, 44 акта ЦБ РФ и 5 постановлений Правительства РФ). Этим термином обозначается, как правило, механизм удаленного доступа клиентов к финансовым услугам.

Нередко в правовых источниках встречается термин *инвестиционная платформа* (3 федеральных закона, 55 актов ЦБ РФ и 8 постановлений Правительства РФ). Этим термином обозначают информационную систему, используемую для заключения договоров инвестирования (см., напр., п. 2 ст. 1 ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Под *новостным агрегатором* (два федеральных закона и три постановления Правительства РФ) понимается программа для обработки и распространения новостной информации (см., напр., ст. 10.4 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Актом федерального правительства введено понятие *единый агрегатор торговли* (один федеральный закон, одно распоряжение Правительства РФ, 14 ведомственных актов). Он должен обеспечивать возможность размещения информации в информационной системе о предлагаемых товарах (распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 824-р «О создании единого агрегатора торговли»). Сходное понятие — *агрегатор информации о товарах и услугах* (один федеральный закон, 8 постановлений Правительства РФ), введенное Законом РФ от «О защите прав потребителей», является более функциональным, так как предоставляет потребителю возможность не только размещать информацию о своих товарах и знакомиться с предложениями других участников, но и заключать договоры и производить оплату.

Вышеуказанная проблема усугубляется тем, что одним и тем же термином иногда обозначается как субъект, так и объект правового регулирования. Так, например, слово *агрегатор* с разными прилагательными применяется как к субъектам (например, платежный агрегатор, единый агрегатор торговли и т. д.), так и к объектам (например, новостной агрегатор, агрегатор социально значимой информации, агрегатор информации о товарах и услугах, агрегатор заказа для аптечной организации и т. д.).

Таким образом, *терминологический аппарат платформенного законодательства не соответствует важнейшим требованиям, предъявляемым к юридическим терминам,* — точности обозначения соответствующего правового понятия и однозначности восприятия в рамках юридического языка [14. С. 16].

Как известно, цифровая платформа (блокчейн) возникла как технический продукт. Затем она была вовлечена в экономический оборот. Необходимость регулирования отношений, возникающих по поводу применения цифровых платформ, обусловила необходимость закрепления ее признаков в нормативных актах. По этой причине представляет как доктринальный, так и практический интерес *сравнение цифровой платформы как технико-экономического и юридического понятий,* то есть проверка соответствия легитимных признаков цифровых платформ техническим и экономическим признакам.

В самом общем виде под цифровой платформой специалисты в сфере информационных технологий

понимают технологию обработки данных, в которой можно выделить следующие основные принципы: 1) структура хранения данных представляет собой выстроенную по определенным правилам цепочку блоков, содержащих информацию; 2) каждый блок цепочки связан с соседними блоками при помощи сведений о хеш-сумме предыдущего блока; 3) сами по себе блоки и содержащаяся в них информация являются общедоступными и 4) копии цепочки блоков хранятся на разных компьютерах [8. С. 40].

Цифровые платформы развиваются очень быстро. В настоящее время специалисты создали пятое поколение — Telegram Open Network (TON) [Там же. С. 46]. И уже вплотную занимаются следующим — UMI, блокчейн, «который может использоваться во множестве сфер повседневной жизни, например, юриспруденции, логистике, играх, коллекционировании, страховании и даже в искусстве» [17].

Разновидности цифровых платформ по своему функциональному назначению могут очень серьезно отличаться друг от друга. Так, например, публичные (открытые) и частные (закрытые) цифровые платформы имеют гораздо больше различий, чем сходств.

Однако в экономической литературе нередко вышеуказанное обстоятельство игнорируется. Наиболее часто ограничиваются указанием следующих признаков цифровых платформ: 1) публичность, 2) необратимость транзакций, 3) децентрализованность (независимость участников) и 4) анонимность [1. С. 137; 5. С. 36].

Очевидно, что, например, частные (закрытые) цифровые платформы не соответствуют ни одному из вышеуказанных признаков. Следует признать, что и в юридической литературе также нередко игнорируются признаки данной разновидности платформ. Так, например, существует мнение, согласно которому важными с точки зрения цивилистов являются два признака блокчейна — неизменяемость информации в блокчейне и анонимность участников [9. С. 24].

Отсутствие единого понимания признаков цифровой платформы привело к полному хаосу при определении понятия и функционального назначения данной инновации.

Переходя к анализу юридических признаков цифровой платформы в нормативных актах, следует отметить наличие тех же недостатков.

В настоящее время действуют два закона, содержащие термин *цифровая платформа*. Оба — Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 22.1) и Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (ст. 16.2) — содержат нормы о Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Из четырех признаков цифровой платформы (публичность, необратимость транзакций, децентрализованность и анонимность) данной информационно-аналитической системе свойствен только первый признак.

Согласно *указам президента РФ* цифровая платформа используется для безбумажного оформления мультимодальных перевозок пассажиров и грузов (п. 12 Указа Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»), диагностики заболеваний (Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»), поддержки производственной и сбытовой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»).

Применение цифровой платформы зачастую сводится только к заключению гражданско-правовых договоров (например, п. 12 Указа Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»).

В *правительственных актах* термином «блокчейн» обозначают «проведение взаиморасчетов на основе технологии смарт-контрактов» (п. 3 распоряжения Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»), «хранение документов» (Положение об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 08.06.2011 № 451), «предоставление информации, бронирование и приобретение туристских продуктов» (Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года) и т. д.

В отличие от законодательных и иных исполнительных органов, *Центральный Банк РФ* (ЦБ РФ)

руководствуется экономическим пониманием цифровой платформы. Так, например, согласно одному из принятых им актов, цифровая платформа является информационной системой, обеспечивающей взаимодействие участников платформы друг с другом, позволяющей им *создавать и обмениваться ценностями* (Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023—2024 годов). Проблема в том, что все пять актов ЦБ РФ, содержащих термин «цифровая платформа», являются программными. Кроме того, ЦБ РФ зачастую в одном и том же документе использует оба термина (например, «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций» от 13.10.2020).

В целом следует отметить, что в сфере *публично-правовых отношений* термин «цифровая платформа» наиболее часто применяют для обозначения сайта. Так, например, согласно Регламенту работы на цифровой платформе «Умный Новоуральск», данная информационная система используется для организации оперативного взаимодействия граждан с органами местного самоуправления Новоуральского городского округа, городскими службами и организациями по вопросам, имеющим общественно значимый характер (Об организации функционирования цифровой платформы «Умный Новоуральск» — регламент, утвержденный Постановлением Администрации Новоуральского городского округа от 24.09.2020 № 1988-а).

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Цифровая трансформация общественных отношений является очередным этапом эволюции содержания предмета гражданского права, обусловившей необходимость адаптации классических правовых инструментов к новым условиям.
2. Терминологический аппарат платформенного законодательства в настоящее время не соответствует важнейшим требованиям, предъявляемым к юридическим терминам, — точности обозначения соответствующего правового понятия и однозначности восприятия в рамках юридического языка.
3. De lege ferenda, с целью упорядочения применения терминов, представляется целесообразным термин «цифровая платформа» использовать для обозначения только одноранговой, децентрализованной (пиринговой) сети.

Список источников

1. Варнавский А. В. Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22, № 5. С. 122—140.

2. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22—36.

3. Генкин А., Михеев А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра? М.: Альпина Паблишер, 2018.

4. Грищенко А. И., Зиноватный П. С. Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885—1918 гг.). М.: Юрист, 2008.

5. Денисова А. И., Писарева О. М., Суязова С. А. Анализ международной практики разработки и внедрения цифровых платформ в сфере публичного управления // E-Management. 2020. № 3. С. 34—44.

6. Дюфло А. Юридическое положение блокчейна во Франции // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2019. С. 224—227.

7. Карасева (Сенцова) М. В. Термины гражданского права в налоговом законодательстве и правоприменении // Финансовое право. 2013. № 6. С. 24—30.

8. Козин И. С. Метод обеспечения безопасности данных при их обработке в блокчейн-системе за счет применения искусственных нейронных сетей: дис. … канд. техн. наук. СПб., 2021.

9. Нам К. В. Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // Судья. 2019. № 2. С. 24—27.

10. Останина Е. А. Есть ли потребитель в системе P2P-финансирования? // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. М.: Статут, 2019.

11. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас / Д. Паркер [и др.]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

12. Покровский И. А. История римского права. М.: ЛЕНАНД, 2019 [по изд. 1915 г.].

13. Совет по кодификации отклонил законопроект о цифровых правах. URL: https://pravo.ru/story/208294.

14. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2017.

15. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект: монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М.: Проспект, 2021.

16. Черниловский З. М. Лекции по римскому праву. М.: Юрид. лит., 1991.

17. Шесть поколений блокчейнов: от Bitcoin к UMI. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5ede169ab1c4244cd72ecd4e/6-pokolenii-blokcheinov-ot-bitcoin-k-umi-5fc5080637dee85d850def4d.

18. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

References

1. Varnavsky AV. Token or Cryptocurrency: Technological Content and Economic Essence. *Finansy: teoriia i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2018;22(5):122-140. (In Russ.).

2. Gelishkhanov IZ, Yudina TN, Babkin AV. Digital platforms in the economy: essence, models, development trends. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg Polytechnical University Journal. Economic sciences*. 2018;11(6):22-36. (In Russ.).

3. Genkin A, Mikheev A. Blokcheyn. Kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra? = Blockchain. How does it work and what awaits us tomorrow? Moscow: Alpina Publisher; 2018. (In Russ.).

4. Grishchenko AI, Zinovatny PS. Energeticheskoe pravo Rossii (Pravovoe regulirovanie elektroenergetiki v 1885-1918 gg.) = Energy law of Russia (Legal regulation of the electric power industry in 1885—1918). Moscow: Yurist; 2008.

5. Denisova AI, Pisareva OM, Suyazova SA. Analysis of international practice in the development and implementation of digital platforms in the field of public administration. *E-Management*. 2020:(3);34-44. (In Russ.).

6. Duflo A. Iuridicheskoe polozhenie blokcheyna vo Frantcii = Legal status of the blockchain in France. In: Sinyukova VN, Egorova MA (eds.). Pravovoe regulirovanie tcifrovoy ekonomiki v sovremennykh usloviiakh razvitiia vysokotekhnologichnogo biznesa v natcional`nom i global`nom kontekste = Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in the national and global context. Moscow: Prospekt; 2019. Pp. 224—227. (In Russ.).

7. Karaseva (Sentsova) MV. Terms of civil law in tax legislation and law enforcement. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2013;(6):24-30. (In Russ.).

8. Kozin IS. Metod obespecheniia bezopasnosti dannykh pri ikh obrabotke v blokcheyn-sisteme za schyot primeneniia iskusstvennykh neyronnykh setey = A method for ensuring data security during their processing in a blockchain system through the use of artificial neural networks. Thesis. St. Petersburg; 2021. (In Russ.).

9. Nam KV. Legal problems associated with the use of blockchain. *Sud`ya = Judge*. 2019;(2):24-27. (In Russ.).

10. Ostanina EA. Est` li potrebitel` v sisteme R2R-finansirovaniia? = Is there a consumer in the P2P lending? In: E-commerce i vzaimosviazannye oblasti (pravovoe regulirovanie) = E-commerce and interrelated areas (legal regulation). Moscow: Statut; 2019. Pp. 5—38. (In Russ.).

11. Parker D [et al.]. Revoliutciia platform. Kak setevye rynki meniaiut ekonomiku — i kak zastavit` ikh rabotat` na vas = The platform revolution. How online markets are changing the economy — and how to make them work for you. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. (In Russ.).

12. Pokrovsky IA. Istoriia rimskogo prava = History of Roman law. Moscow: LENAND; 2019 [according to the 1915 edition]. (In Russ.).

13. Sovet po kodifikatcii otclonil zakonoproekt o tcifrovykh pravakh = The Codification Council rejected the digital rights bill. Available from: https://pravo.ru/story/208294 (In Russ.).

14. Turanin VYu. Iuridicheskaia terminologiia v sovremennom rossiyskom zakonodatel`stve (teoretiko-pravovoe issledovanie) = Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research). Thesis. Belgorod; 2017.

15. Efimova LG (ed.). Tcifrovoe pravo v bankovskoy deiatel`nosti: sravnitel`no-pravovoy aspekt = Digital law in banking: a comparative legal aspect. Moscow: Prospekt; 2021. (In Russ.).

16. Chernilovsky ZM. Lektcii po rimskomu pravu = Lectures on Roman law. Moscow: Legal literature; 1991. (In Russ.).

17. Shest` pokoleniy blokcheynov: ot Bitcoin к UMI = Six generations of blockchains: from Bitcoin to UMI. Available from: https://zen.yandex.ru/media/id/5ede169ab1c4244cd72ecd4e/6-pokolenii-blokcheinov-ot-bitcoin-k-umi-5fc5080637dee85d850def4d (In Russ.).

18. Yavich LS. Obshchaia teoriia prava = General theory of law. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University; 1976. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. З. Мансуров — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права.

Information about the author

Gafur Z. Mansurov — doctor of Law, Head of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.